

*Посвящается
Вирджинии Альтман
и Доменику Клеру*

ПРОЛОГ

КВОГ. 1965 ГОД

Вербное воскресенье, через год после окончания Большой Войны против клана Сантадио, дон Доменико Клерикуцио праздновал крестины двух младенцев, в жилах которых текла его кровь. Приняв самое важное решение в своей жизни, он пригласил на торжество глав крупнейших Семейств мафии, а также Альфреда Гронвельта, владельца отеля «Занаду»¹ в Лас-Вегасе, и Дэвида Редфеллоу, создавшего крупнейшую в Соединенных Штатах империю наркобизнеса. Все они в той или иной степени являлись его партнерами.

Будучи главой самой влиятельной Семьи в Америке, дон Клерикуцио намеревался отступить с занятых позиций — во всяком случае, с виду. Настало время действовать иными методами. Явное могущество становилось чересчур опасным. Однако и выпускать его из рук тоже было бы опасно. Проделать это следовало крайне тактично, проявив щедрость и добрую волю. И при всем том на собственных условиях.

Владения Клерикуцио в Квоге представляли собой двадцать акров земли, окруженных трехметровой стеной

¹ Место действия поэмы «Кубла Хан» Колриджа. В переносном смысле — идиллическое, прекрасное место, нечто вроде Эльдорадо. — Здесь и далее прим. переводчика.

из красного кирпича, по верху которой была протянута колючая проволока с охранной сигнализацией. Помимо главного особняка, на этом пространстве стояли дома трех его сыновей и двадцать домов поменьше для верных сподвижников Семьи.

Накануне прибытия гостей дон и его сыновья уселись за ажурный белый металлический стол, стоящий позади особняка в окружении решеток, увитых плющом. Старший из сыновей, двадцатисемилетний Джорджио — с тонкими усиками, агрессивно ощетинившимися над верхней губой, высокий, поджарый, будто английский джентльмен (элегантный костюм только подчеркивал это сходство), наделенный острым, холодным умом, — хранил на лице непроницаемое, бесстрастное выражение. Дон сообщил Джорджио, что ему предстоит поступить в Вартонскую школу бизнеса. Там он постигнет все премудрости того, как присваивать деньги, не выходя за рамки закона.

Джорджио не перечил, ибо это был высочайший указ, а не приглашение к дискуссии. Он лишь покорно кивнул.

Далее дон обратился к племяннику, Джозефу Де Лене по кличке Пиппи. Дон любил Джозефа не меньше, чем своих сыновей, не только за кровное родство — Пиппи был сыном его покойной сестры, — но и за то, что Пиппи являлся великим военачальником, одолевшим строптивых Сантадио.

— Ты отправишься в Лас-Вегас и обоснешься там, — проговорил дон. — Ты будешь блюсти наши интересы в управлении отелем «Занаду». Теперь, когда наша Семья отходит от дел, здесь тебе почти нечем заняться. Тем не менее ты по-прежнему остаешься Молотом Семьи.

Решение не обрадовало Пиппи, и дон понял, что должен обосновать его.

— Твоя жена Налин не может жить в атмосфере Семьи, не может жить в нашем анклаве в Бронксе. Она слишком

отличается от нас. Ее не примут. Поэтому ты должен строить свою жизнь вдали от нас.

Дон не покривил душой ни на йоту, но у него имелись и прочие соображения. Пиппи — великий героический полководец Семьи Клерикюцио, но если он и дальше будет мэром анклава в Бронксе, то со временем станет слишком могущественной фигурой, и сыновьям дона нипочем не справиться с ним, когда сам дон сойдет в могилу.

— Ты будешь моим Bruglione¹ на Западе, — сказал он Пиппи. — Ты разбогатеешь. И учти, это очень важная работа.

Вручив Пиппи купчую на дом в Лас-Вегасе, дон обернулся к своему младшему сыну — двадцатипятилетнему Винсенту, самому низкорослому среди братьев, зато коренастому и мощному. Винсент всегда был немногословен, но мягкосердечен. Он выучил рецепты всех классических итальянских блюд, еще когда держался за материнскую юбку, и именно он горше всех оплакивал преждевременную кончину матери, которая умерла молодой.

— А сейчас я решу твою судьбу и наставлю тебя на путь истинный, — улыбнулся ему дон. — Ты откроешь лучший в Нью-Йорке ресторан. Не скучись. Я хочу, чтобы ты показал этим французам, что такая настоящая кухня. — Пиппи и остальные сыновья рассмеялись, улыбнулся даже Винсент. — Ты на год отправляешься в лучшую кулинарную школу в Европе.

Винсент, хоть и был доволен, все-таки проворчал:

— Да почему они могут меня научить?

— Скажем, готовить более изысканные пирожные, — строго поглядел на него дон, — но главное для тебя — это овладеть секретами ведения подобного бизнеса. Кто знает, возможно, когда-нибудь тебе придется заправлять целой сетью ресторанов. Деньги получишь у Джорджио.

¹ Порученцем, доверенным лицом (*итал.*).

Наконец дон повернулся к Пити — среднему сыну, самому приветливому и жизнерадостному из всех. В свои двадцать шесть Пити выглядел сущим мальчишкой, но дон знал, что в нем проявились черты сицилийских Клерикуцио.

— Пити, теперь, когда Пиппи отправляется на Запад, ты станешь мэром анклава в Бронксе. Будешь поставлять для Семьи бойцов. Но помимо этого займешься и другим делом. Я купил для тебя строительную компанию, притом большую. Будешь ремонтировать небоскребы в Нью-Йорке, строить казармы для полиции штата, прокладывать городские улицы. Компания надежная, но я рассчитываю, что ты сделаешь ее великой. У твоих солдат будет легальная работа, а ты станешь зарабатывать большие деньги. Но сначала пройдешь выучку у ее нынешнего владельца. И не забывай, что прежде всего ты обязан поставлять солдат для Семьи и командовать ими.

Дон повернулся к Джорджио:

— А ты, Джорджио, станешь моим преемником. Вы с Винсентом больше не будете принимать участия в деятельности, сопряженной с опасностью, разве что в крайних случаях. Мы обязаны думать о будущем. Ваши дети — мои дети, они и маленькие Данте с Кроччифисио должны вырасти в ином мире. Мы богаты, нам более нет нужды рисковать жизнью ради хлеба насущного. Отныне наша Семья будет выступать лишь в роли финансового консультанта других Семей. Мы будем оказывать им политическую поддержку, разрешать споры между ними. Но для этого нам необходимо иметь на руках козыри. У нас должна быть армия. А еще мы должны защищать деньги каждого, за что нам и позволят смачивать в них свои клювики. — Дон немного помолчал. — Через двадцать-тридцать лет мы затеряемся в мире законопослушных граждан и будем наслаждаться своим богатством, не испытывая страха. Двум младенцам, которых мы сегодня крестим, никогда не

придется повторять наши грехи и подвергаться тому риску, которому подвергались мы.

— Зачем же тогда держать анклав в Бронксе? — поинтересовался Джорджио.

— Конечно, мы надеемся когда-нибудь стать святыми, — ответил дон, — но все-таки не великомучениками.

Часом позже дон Клерикуюцио стоял на балконе своего особняка, наблюдая сверху за торжеством.

Просторная лужайка была уставлена столиками для пикников под зелеными зонтиками в форме крыльев. Тут собралось около двухсот гостей, по большей части солдат из анклава в Бронксе. Обычно крестины — праздник веселый, но на сей раз все проходило чинно и сдержанно.

Победа над Сантадио досталась Клерикуюцио дорогой ценой. В этой войне дон потерял самого возлюбленного из сыновей — Сильвио. А его дочь Роз-Мари лишилась мужа.

Наблюдая за толпой у столов, уставленных хрустальными графинами с темно-красным вином, белоснежными фарфоровыми супницами, мисками с разнообразнейшими макаронными изделиями, блюдами со всевозможной мясной нарезкой и сырами, а также свежеиспеченным хлебом всех мыслимых размеров и форм, дон поддался успокоительному влиянию негромкой музыки оркестра.

Посередине круга, образованного столами, находились две коляски с голубыми одеяльцами. Оба малыша держались на славу, даже не поморщились, когда на них брызнули святой водой. Рядом с ними стояли обе матери — Роз-Мари и Налин Де Лена, жена Пиппи. С балкона дон различал даже чистые детские личики, на которые еще не легла печать жизненных тревог, — Данте Клерикуюцио и Крочифисио Де Лена. Он в ответе за то, чтобы этим младенцам никогда не пришлось зарабатывать на пропитание в поте лица своего. Если все пройдет, как задумано, они со

временем станут членами нормального общества. Любопытно, подумал дон, обводя взглядом лужайку, что ни один из собравшихся здесь не выказывает виновникам торжества ни малейшего почтения.

Затем дон увидел Винсента. С непроницаемым, каменным, как всегда, лицом, надев чистый белый фартук, он угождал ребятишкам хот-догами, доставая их из тележки, которую смастерили специально к пиру. Тележка напоминала те, с которых продают хот-доги на улицах Нью-Йорка, но была побольше размером, с более ярким зонтом. Разумеется, уличные сосиски не шли ни в какое сравнение с приготовленными Винсентом, приправленными квашеной капустой и горчицей, колечками красного лука и острым соусом. А платой за хот-дог служил поцелуй продавцу в щеку. Вопреки суровой наружности, Винсент был самым добрым и отзывчивым из сыновей дона.

На поле для игры в боччи¹ состязались Пити, Пиппи Де Лена, Вирджинио Баллаццо и Альфред Гронвельт. Пити всегда был любителем розыгрышей, и к этой его склонности дон всегда относился с неодобрением, усматривая в ней источник опасности. Вот и сейчас Пити мешал игре шуточками в своем стиле — один из шаров развалился на кусочки после первого же удара.

Вирджинио Баллаццо — правая рука дона, исполнительный директор Семьи Клерикуцио, жизнерадостный человек, сделал вид, что гонится за Пити, а тот притворился, будто в ужасе убегает. Эта сценка показалась дону отчасти ироничной. Пити — прирожденный убийца, да и игривый Баллаццо тоже не лыком шит.

Но до Пиппи им далеко.

Женщины в толпе то и дело поглядывали на Пиппи. Исключение составляли лишь обе молодые матери — Роз-

¹ Боччи — итальянские кегли.

Мари и Налин. Парень — писаный красавец, в росте ни-чуть не уступает самому дону, крепко сбитый, сильный, с твердыми, мужественными чертами лица. На него огля-дывались даже мужчины, в основном — его же солдаты из анклава в Бронксе. Их взоры привлекали не только его повелительные манеры и легкость движений, но и окру-жающие Пиппи легенды; он — Молот, наилучший из Ква-лифицированных Специалистов.

Дэвид Редфеллоу, молодой и розовощекий, самый вли-ятельный наркоделец в Соединенных Штатах, щипал за щечки двух младенцев, лежавших в своих колясках. И на-конец, Альфред Гронвельт, как всегда, в смокинге и галсту-ке. Эта диковинная игра явно выбила его из колеи. Грон-вельт — ровесник дона, обоим уже под шестьдесят.

Сегодня дон Клерикуцио изменит жизнь каждого из этих людей, и как он надеялся, к лучшему.

На балкон вышел Джорджио, чтобы позвать отца на пер-вую из запланированных на сегодня встреч. В особом по-кое дома собрались десять главарей мафии. Джорджио уже вкратце изложил им предложения дона. Крестины — иде-альное прикрытие для подобной встречи, но на самом деле у этих людей очень мало общего с Клерикуцио, так что они стремились разъехаться восвояси как можно скорее.

Обстановку кабинета, лишенного окон, составляли мас-сивная мебель и бар с самой настоящей стойкой. Десять мужчин с угрюмым видом расселились вокруг стола из тем-ного мрамора. Все они по очереди поздоровались с доном Клерикуцио и выжидательно уставились на него.

Принять участие в этой встрече дон пригласил так-же своих сыновей Винсента и Пити, своего заместителя Баллаццо и Пиппи Де Лену. Как только они появились, Джорджио холодно и саркастично произнес краткую всту-пительную речь.

Дон Клерикуцио оглядел лица собравшихся в комнате — самых могущественных людей теневого мира, существующего ради решения истинных проблем человечества.

— Мой сын Джорджио вкратце изложил вам, как все будет устроено, — начал дон. — Мое предложение заключается в следующем: я ухожу от дел по всем позициям, за исключением одной — азартных игр. Свой нью-йоркский бизнес я передаю моему старому другу Вирджинио Баллаццо. Он создаст собственную Семью, совершенно независимую от Клерикуцио. Во всех остальных районах страны контроль над профсоюзами, транспортом, алкоголем, табаком и наркотиками отходит к вашим Семьям. Правовая поддержка целиком за мной. Взамен я прошу, чтобы вы доверили мне свои деньги. Они окажутся в надежных руках и будут доступны вам в любую минуту. Вам больше не придется беспокоиться о том, что государство сумеет выследить ваши расходы. За это я прошу всего лишь пять процентов комиссионных.

О лучшем все десятеро и мечтать не могли. Они ощущали искреннюю благодарность к Клерикуцио, уходящему от дел, когда его Семья без труда сумела бы подмять, а то и стереть с лица земли их собственные империи.

Обойдя стол, Винсент налил каждому из присутствующих вина. Те подняли бокалы, чтобы выпить за уход дона Клерикуцио на покой.

Когда главари мафии церемонно рас прощались, Пити сопроводил в кабинет Дэвида Редфеллоу, блондина с жизнерадостным лицом и ясными голубыми глазами, выдающими примесь скандинавской крови, наделенного легким остроумием. Он выделялся из всех не только длинными волосами и бриллиантовой сережкой в ухе, но и тем, что был одет в тщательно выглаженный джинсовый костюм. Редфеллоу уселся в кожаное кресло напротив дона, и Винсент налил ему бокал вина.

Дон питал по отношению к этому человеку чувство глубокой признательности, ведь Дэвид сумел доказать, что блюстителей закона все-таки удается подкупить, даже когда дело касается наркотиков.

— Дэвид, — начал дон Клерикуцио, — ты оставляешь наркобизнес. У меня есть для тебя кое-что получше.

Редфеллоу не возражал. Он лишь осведомился:

— Почему именно сейчас?

— Прежде всего потому, что правительство в последнее время уделяет этому бизнесу чересчур пристальное внимание и причиняет слишком много беспокойства. Тебе придется до конца жизни чувствовать себя как на пороховой бочке. Но главное состоит в том, что это дело стало слишком опасным. До последнего времени Пити и его солдаты выступали в роли твоих телохранителей. Больше я этого позволить не могу. Колумбийцы слишком отчаянны, безрассудны и жестоки. Пусть забирают наркобизнес себе. Ты же удалишься в Европу. Я позабочусь, чтобы там тебе обеспечили защиту. Дабы не сидеть сложа руки, можешь купить себе какой-нибудь итальянский банк и обосноваться в Риме. У нас там масса дел.

— Отлично, — хмыкнул Редфеллоу. — Я ни бе ни ме по-итальянски и ни в зуб ногой в банковском деле.

— Научишься и тому и другому. В Риме тебя ждет счастливая жизнь. Впрочем, если хочешь, можешь остаться здесь, но в таком случае больше не будешь пользоваться моей поддержкой, а Пити не станет охранять тебя. Выбирай, что тебе больше по душе.

— А кому достанется мой бизнес? Я получу отступного?

— Твой бизнес достанется колумбийцам, — ответил дон. — Это уже неизбежно, таковы исторические тенденции. Но правительство превратит их жизнь в сущий ад. Итак, да или нет?

Немного пораскинув умом, Редфеллоу рассмеялся: